Историография, источниковедение, методы исторического исследования

© 2012 г. О. М. МОРОЗОВА*

ЛЮБОВНЫЕ ТЕКСТЫ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Любовь – необычный предмет для военно-исторического исследования. Научные работы даже историко-биографического жанра обычно деликатно обходят молчанием данную сторону жизни людей. Между тем в этой малоизученной сфере находится важная психофизиологическая и социальная проблема – какого рода любовное чувство возникает на войне вообще, на гражданской войне – в частности, и в особенности на войне новейшего времени (когда нет четких границ между комбатантами и гражданским населением, когда не соблюдаются конвенциональные правила).

Как остроумно отмечал В.П. Булдаков, российскую историографию наполняют бациллы рационализма: она как будто соткана из периодов, причин и следствий. Нынешнее состояние отечественной науки таково, что появились шансы допустить в нее на законных основаниях иррациональное – эмоциональные субъективные реакции, которые постоянно отклоняют исторический процесс от «правильного» курса. История повседневности выделяется в самостоятельное научное направление, исследующее совокупность обыденных культурных явлений и процессов¹. Военно-историческая антропология видит одной из своих задач выявление особенностей историко-психологического портрета рядового и командного состава армии на войне. Е.С. Сенявская отмечала, что у солдат на военном фронте формируются новые качества, благодаря которым они оказывают большое и весьма разноплановое воздействие на окружающих². Не случайно женщины всех времен и народов увлекались военными. Период «длинной войны» (1914–1922) не может не привлечь исследователей истории революционной повседневности в России. Булдаков показал высокий потенциал психологического подхода в изучении социальных и политических процессов революционной поры³. Объектами анализа становились страх, ненависть, недоверие, но позитивно окрашенной эмоциональности – любви, казалось, нет места ни на страницах ученых книг, ни в самом революционном хаосе. При этом если повседневная жизнь офицеров-белогвардейцев, их мировоззрение и духовное состояние хотя и редко, но становились предметом изучения⁴, то воевавшие на стороне большевиков такого внимания еще не удостоились, что объясняется состоянием источников: в воспоминаниях красных командиров подобная информация напрочь отсутствует. Она сохранилась в россыпях документов штабного делопроизводства, разбросанных по архивохранилищам, в изначально не предназначенных для публикации текстах частных писем и личных дневников. Личная переписка известных исторических фигур, если они не принадлежат к слою творческой интеллигенции, публикуется редко. Среди немногих примеров обратного рода – письма П.Н. Врангеля жене Ольге Михайловне⁵, переписка командарма 2-й Конной армии Филиппа Кузьмича Миронова и его второй жены Надежды Васильевны Суетенковой⁶, а также сборник писем Уллубия Буйнакского⁷ и напечатанные с большими купюрами «письма к знакомой» Асланбека Шерипова. Объектом моего анализа стали тексты,

* **Морозова Ольга Михайловна**, кандидат исторических наук, докторант Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

принадлежащие мужчинам; ответные же послания не уцелели, – не казались ценными, а может быть, были намеренно уничтожены.

При работе над этой темой мне хотелось бы, во-первых, не дать стереться из памяти людей историям любви, которые расцвели в самых неоранжерейных условиях; а, во-вторых, выявить соотношение рационального и иррационального в самом нерациональном феномене. При этом было использовано понятие «образец любви» в значении комплекса политических, социальных и культурных черт женщины, вызвавшей любовное чувство у мужчины, обладавшего, в свою очередь, вполне определенным набором личностных характеристик.

Свидетельства о личной жизни активных участников Гражданской войны крайне редки. В воспоминаниях писать об этом не позволяли чувство такта, страх нарушить табуированность такой тематики, что особенно характерно для советской мемуарной литературы. А письма и дневники, содержащие отголоски переживаемых в то время чувств, редки, как малочисленны вообще документы личного происхождения, относящиеся к этому периоду. И все же некоторые чудом уцелевшие бумаги приоткрывают завесу тайны над этим феноменом. Они принадлежат пяти большевикам (С.Г. Лазо, У.Д. Буйнакскому, Б.М. Думенко, А.Д. Шерипову, М.А. Энееву) и одному белогвардейцу – генералу И.Г. Эрдели.

Асланбек Джемалдинович Шерипов (1897–1919) писал в 1918 г. Тамаре Резаковой (1895–1961)⁸, сотруднице владикавказских газет левого толка, принадлежавшей к семье с давними революционными традициями. Поиск путей национального строительства провел Шерипова через разные политические группировки. Гибель в бою застала его в тот момент, когда все свои надежды он связывал с советской властью, потому и вошел в историю как первый чеченский большевик.

Потомок кумыкских князей Уллубий Даниялович Буйнакский (1890–1919) был наиболее последовательным приверженцем леворадикальных идей среди дагестанских социалистов. Оказавшись исторгнутым из отцовской семьи по причине рождения от матери не княжеских кровей, он рано познал несправедливость, нужду и одиночество. Из-за практиковавшихся на протяжении веков близкородственных браков Уллубий, как и многие из его родственников, был невысокого роста, некрасив, обладал плохим зрением. Физическая слабость компенсировалась силой духа и воли. Он выбрал необыкновенно красивую горянку Тату Омаровну Булач (1902–1980), сестру своего друга. Она принадлежала к образованной и даже европеизированной семье. Знакомство произошло тогда, когда ей было 13 лет, и Уллубий вместе с ее братом-студентом влиял на формирование политических взглядов девушки.

Молодой балкарец Магомет Алиевич Энеев (1897–1928), сын популярного мусульманского проповедника, три года учился в Турции, но, вернувшись в Россию, сблизился с политическими ссыльными. В период первой советизации Северного Кавказа примкнул к большевикам. Зимой 1919 г. ушел в эмиграцию в Закавказье; оказался в Баку, где и встретил свою будущую жену Евгению Петровну Федорову (1898–1961). Несмотря на внешне тихую жизнь беженца, у Энеева, как показывают принадлежащие ему тексты, шел глубокий процесс идейной, политической и личностной самоидентификации. 20 марта 1919 г. в письме, адресованном Евгении, Магомет детально описал не только эволюцию своего мировоззрения, но и свой взгляд на любовь, отношения мужчины и женщины⁹.

Сергей Георгиевич Лазо (1894–1920) в 1918 г. был командующим советскими войсками Забайкальского фронта, в 1920 г. – заместителем председателя Военного совета Временного правительства Дальнего Востока. В самом начале революции он встретился в Красноярске с двумя женщинами – Ольгой Андреевной Грабенко и Ниной Михайловной Лебедевой – анархисткой, сосланной по политической статье в Сибирь. В Забайкалье он сблизился с Грабенко, в мае 1919 г. у них родилась дочь, но в 1920 г. мысли его занимала уже другая женщина. Есть основания полагать, что это была Нина Лебедева.

Борис Мокеевич Думенко (1888–1920), командир конного корпуса, в 1918 г. потерял свою первую жену, погибшую от рук белых. Примерно в это же время он повстре-

чался с молоденькой сотрудницей штаба Анастасией, которая в тот момент находилась под покровительством Ефима Щаденко. Чувства Думенко отличались серьезностью и глубиной, и Анастасия предпочла его.

Генерал от кавалерии Иван Георгиевич Эрдели (1870–1939) в 1913 г. на балу, данном московским дворянством в честь 300-летия дома Романовых, познакомился с Марой Константиновной Свербеевой, в девичестве Олив, по первому мужу Мамонтовой (1870–1963), богатой помещицей и меценаткой. Их роман длился шесть лет. Находясь в разлуке с предметом своей страсти, он практически ежедневно находил время, чтобы делать записи в дневнике, который предназначался Маре для чтения и пересылался ей с оказией. Он писал: «Как бы я хотел, чтобы... ты мною гордилась, хвалила меня. Ты мой самый строгий судья»¹⁰.

У трех молодых горцев – Асланбека, Магомета и Уллубия – ощущается тяга к европейскому романтическому типу любви. Избранницами первых двух стали девушки из другой этнокультурной среды. Шерипов обратил внимание на сотрудницу редакции газеты «Терек», так же, как и он, реагировавшую на события в Терском крае. Энеев – на дочь русских переселенцев. Уллубий выбрал молоденькую Тату, желая воспитать из нее единомышленницу. По-видимому, отношения с женщинами, принадлежащими к традиционной культуре своего народа, не могли дать им той степени духовной близости, в которой они нуждались. Потребность в этом была столь сильна, что Шерипов допускал даже сознательный самообман в надежде, что Тамара отвечает его ожиданиям: «Я хочу, чтобы дорогой для меня человек любил меня за мою готовность жертвовать жизнью и всеми ее радостями для народа! И не встречал я подобных людей, и благодаря страшному желанию иметь подобную близкую женскую душу я почти уверовал в то, что ты способна понять меня так, как я пишу здесь»¹¹. Когда Уллубий узнал о сомнениях Тату на его счет, то писал в апреле 1919 г. о своем одиночестве, которое так хотел развеять: «После завершения борьбы, после того, что Вы мне ответили, у меня не остается никаких связей, никаких нитей; нет у меня ни родства, ни друзей, нет ничего; один, как перст, гол, как сокол. Великолепное дело иметь друга, которому, ну ничего не скрывая, можешь поверить свои волнения, тайны, словом все, все. Нет у меня такого друга»¹². Поиском женщины-друга были заняты и мысли юного Магомета Энеева. «У меня была какая-то суеверная убежденность, – писал он Евгении, – что есть женщина, которая ждет меня, которая должна открыть тайные сферы моей души, я встречу с нею, она придет ко мне сама, познает того, кого она долго искала, и мы вечно сольемся».

За годы длительного военного конфликта представления об обязательном сексуальном воздержании до брака были отвергнуты практически всеми слоями. В нестабильное время возросло желание стабильных отношений, которые, казалось, закреплялись физической близостью. Как туманно намекала в своих воспоминаниях Тамара Резакова, Шерипов приезжал к ней в ингушский аул Мужичи, проехав из Шатоя, где находился его партизанский штаб, более пятидесяти верст по горной местности, которую контролировал противник¹³. Происходило дальнейшее смещение правил брачного поведения. Имеющий хоть и не вечную, но родившую от него ребенка жену, Сергей Лазо пишет в личном дневнике о своем желании порвать тяготящие его узы: «Минутами кажется, что... не хватит сил порвать все эти путы. Нет, их нужно порвать, они будут порваны. Привет тебе, дорогой далекий товарищ, близкий друг. Будем искать новой, лучшей, свободной пролетарской любви»¹⁴.

Отсутствие привязки любви к браку можно найти не только в текстах молодых революционеров, но и в дневниках стареющего белого генерала. Будучи искренне верующим человеком, связанным узами церковного брака со своей законной супругой Марией Александровной, урожденной Кузьминской, родной племянницей Софьи Андреевны Толстой, Эрдели считал любовь к Маре благословением небес, данным ему в утешение в это трудное время. Он ей писал, что они при любых условиях муж и жена: «Может быть разлука, трудности, страдания, но не могу без тебя, и не буду. Без тебя мне жизни нет, все в тебе. Если семья придет, я должен буду о ней заботить-

ся... как отец детей, а не как муж, и не как одно целое! ...Ну, а ты с мужем? Марочка моя, только ведь ты с ним не сойдешься, как я не сойду с женой, об этом немыслимо и думать даже. ...Мы, ты и я – останемся верны друг другу на всю жизнь (подчеркнуто в тексте. – О.М.)»¹⁵.

Эрдели, как следует из дневника, полагал, что предпринятая им конспирация достаточна, и все приличия соблюдены. Однако его отношения со Свербеевой не были секретом, и окружающие считали их безнравственными. Разговоры о том, что у Эрдели две жены, что он хочет откупиться от первой, чтобы «взять другую», производили, по словам К.А. Чхеидзе, адъютанта начальника Кабардинской конной дивизии и правителя Кабарды князя В.А. Бековича-Черкасского, «тяжелое впечатление» и рождали «дурные слухи о штабе»¹⁶. По общему мнению, тот военачальник, у которого личная жизнь отнимает так много сил, не может в должной степени интересоваться нуждами армии, переживать о людских потерях и военных поражениях. В конце концов, ему придется тратить на двух женщин вдвое больше денег, чем на одну, что неизбежно приведет к финансовым злоупотреблениям. Все это не соответствовало действительности: Эрдели был аккуратен с казенными средствами; не он Маре делал подарки, а она, гораздо более состоятельная – ему; и судьбу движения он переживал как свою собственную, но реакция посторонних была именно такой.

Примечательно, что в тексте дневника самого Эрдели чувствуется некоторая гримаса, когда он пишет о том, что генерал А.И. Деникин ездит в полки на традиционный обед не один, а с молодой женой¹⁷. В Сибири широко обсуждалась сложная личная жизнь адмирала А.В. Колчака, в которой присутствовали даже не две, а три женщины¹⁸. Анастасия Думенкова в разговорах сотрудников штаба также получила свою порцию грязи. Весной 1920 г., когда Борис Мокеевич сидел в общей камере с другими арестованными по его делу, то жаловался в письме жене, какие циничные разговоры о ней слышит от них: «Вот [на] меня напали Ямковой и Носов, вот говорят, что это ты всех принимала и что хотела, то и делала. Но ведь пусть говорят, что хотят. Но ты у меня одна»¹⁹. В глазах ведомых масс большим авторитетом пользовался вождь-аскет, всецело поглощенный идеей борьбы, например, М.Г. Дроздовский или С.Н. Тимановский. Или такой семьянин, как генерал С.Л. Марков, который олицетворял верность традиционным ценностям.

Любовь придает человеку силы выполнять главную жизненную задачу: революционерам – переустройства жизни; контрреволюционерам – защиты традиционного порядка вещей. Эрдели неоднократно писал в дневнике, что возмужность высказаться и даже выплакаться на его страницах, обращаясь к Маре, в конечном итоге укрепляет его веру в себя. Когда зимой 1919 г. он находился в Баку для решения судьбы русского флота на Каспии, то переговоры с англичанами и муссаватистами проходили в тонах, унижительных для него и России. Много горьких слов в связи с этим излито на страницы дневника: «А на душе скребет, мучает все, болит, ответственность и за флот, и за деньги, и за имущество, за наш престиж, и все это так мучительно сложилось, тяжело, убыточно, оскорбительно»²⁰. Он так оскорблен, унижен в своем русском чувстве, но приходится терпеть: его несговорчивость может сказаться там, на севере, «у нас». Присутствие Мары могло бы облегчить его муки, но она далеко: «И вся жизнь, и война, и переживание, все наболело, все измучило, и тоска по тебе, и неудовлетворение нравственное... обида, оскорбление национальной гордости, русского имени, голод по тебе, безумное желание тебя видеть, быть около тебя, ждать твоей ласки, все это сейчас перемешалось [нрзб.] и тянет меня, грудь разрывается»²¹.

Еще более определенно прослеживается поиск любви-опоры в бумагах Лазо. Далеко не все его записи опубликованы. Издания, подготовленные его женой и дочерью, содержат отредактированные и причесанные тексты. Их стиль сильно отличается от подлинных рукописей с их характерной для Лазо путаностью мыслей. Его попытки предстать в них глубоким мыслителем отражали стремление добиться цельности своей натуры, но все упиралось в нехватку реального опыта и эмоциональную ограниченность натуры. Революционный романтизм Лазо происходит из свойственного ему

несоответствия формата личности и принятой на себя роли. Лазо привлекала к революции не возможность быстрой карьеры, а причастность к глобальному социальному процессу. Примером может служить одна из первых его речей на заседании Владивостокского совета вскоре после ликвидации режима генерала Розанова. Она сводится к тезису о том, что «центр мировой жизни переносится к Великому океану» и «В[лади]восток – окно Советской России»; он станет одним из центров федеративной советской России, из него полетит мощный пролетарский призыв к трудящимся Японии, Кореи и Китая²².

Во многих его текстах (личных записках, письмах жене, докладах) прослеживается навязчивая идея, воплощенная в жестких речевых формулах линейной оппозиционности («Или мы должны вести свою политику прямо и энергично или распустить совет. Период соглашательства кончен»). Ему явно нужно было организовать мыслительное пространство и подтолкнуть себя, когда он находился в состоянии поиска важного решения. По данным некоторых биографов, Сергей Лазо после поражения его армии в Забайкалье осенью 1918 г. устранился от участия в активной борьбе с контрреволюцией. Одна из его дневниковых записей за 16 марта 1920 г. подтверждает это: «Были сделаны большие ошибки, проявлена сильная непредусмотрительность; вместо того, чтобы действовать энергично и решительно, я *отходил от дела* (курсив мой. – О.М.). Нужно вспомнить лето 1918 г., действовать решительно или не действовать совсем. Да, или не действовать совсем»²³.

Привычную для его мышления оппозицию «или–или» Лазо использовал и применительно к личной жизни. К февралю–марту 1920 г. относятся неопубликованные дневниковые записки, свидетельствующие о мучительном переживании остывающего или даже умершего чувства. Он пишет, что нужно быть революционерами всегда и во всем: «Лучше ничего не дать и не брать, чем брать и давать наполовину. Каждый должен понять, что нет худшего врага, чем половинчатость... Проявим неуступчивость, не терпение, не компромисс. Будем решительны. Разобьем то, что уже треснуло... Но, что лично переживаешь, сейчас тяжело и тяжело до невозможности, самое тяжелое то, что все это так неловко врывается в общую работу и мешает ей. И иногда хочется сказать, скорее бы все это разрубить, уничтожить, лишь бы можно было спокойно все силы отдать работе»²⁴.

О том, что речь идет о треснувшей совместной жизни с Ольгой, свидетельствует недатированное письмо к ней. Поводом для серьезного выяснения отношений стало то, что она оторвала его от умственных занятий, приглашая на обед. Сергей в знак протеста отказался от обеда и написал это письмо: «Долгие годы я боролся... за право упорной умственной работы. Я боролся прежде всего со своей ленью, с собственной инертностью... Борьба за право работать шла дома, где мать тормозила каждую минуту нас; я дома не отказывался от работы, но только просил поставить ее в определенные границы. И вот за последнее время, когда так хорошо наладились мои занятия, внешняя воля им мешает. И чем ближе люди друг другу, тем тяжелее отзывается это вмешательство. ...Я с такой резкостью выставил эти положения, т.к. считаю, что трудовое начало – начало коренное, от него зависит жизненность отношений; и поступить[ся] в этой области значило для меня сознательно коверкать свою и чужую жизнь»²⁵.

Некоторые из дневниковых отрывков, относящихся к этому времени, позволяют предположить существование третьего участника этой революционной мелодрамы. 16 марта 1920 г. он записал: «В Кр[аснояр]ске работа была впереди, работа заставляла отказываться от чувства, забрасывать. Сейчас иногда кажется, как будто наоборот, думаю уже как о подспорье для работы»²⁶. А месяцем раньше, 16 февраля 1920 г., он оставил еще более откровенную запись. Поводом для этого стало удивление, высказанное хозяевами квартиры, где он жил, тем, что он может долго обходиться без сна, отдавая много сил работе. «В эти напряженные дни по подготовке восстания, когда приходилось работать круглые сутки, вырывая случайные свободные часы для сна. В эти дни не чувствовалось усталости, работа захватывала. ... Но нам нужен иной от-

дых. Дать успокоиться нашей личности. Дать вздохнуть ей полной грудью. И сколько раз... ночью в четвертом, а то и пятом и шестом часу, уже ложась спать, я думал о том, с какой радостью я посидел бы еще с дорогим человеком, и сколько бы сил это дало. ... Но вот пришло время более спокойной работы... И тем сильнее чувствуется отсутствие чего-то личного, радостного и хорошего. ... Но мы знаем, сколько мы жертвуем этой работе и от сколького для нее отказались и отказываемся. Но тем сильнее, говоришь себе, борьба за счастье, борьба за раскрепощение и освобождение личности». Эта запись как раз и заканчивается фразой: «Привет тебе, дорогой далекий товарищ, близкий друг. Будем искать новой, лучшей, свободной пролетарской любви»²⁷.

Устанавливать имена революционных подруг относительно просто: слишком узок был их круг. В отрядах, воевавших на Забайкальском фронте, была женщина-комиссар Нина Лебедева. Высока вероятность, что именно она тот «далекий товарищ». Ее личность вписывается в революционный «образец любви» – революционерка со стажем, политическая ссыльная, анархистка-максималистка, активная и деятельная натура. Не чета погрязшей в быту Грабенко. К тому же Нина была чрезвычайно красива – миниатюрная шатенка с небесно-голубыми глазами и тонким лицом мадонны. Но зимой 1920 г. Нина уже не свободна. Она состоит в революционном браке с анархистом-индивидуалистом Яковом Тряпицыным. Вместе с ним она вводит коммунизм в отдельно взятом городе – Николаевске-на-Амуре. Эта история любви оставила после себя больше загадок, чем ответов. Достоверно известно лишь, что Яков и беременная Нина были расстреляны 8 июля 1920 г. по приговору суда 103-х представителей партизанских отрядов в поселке Керби по обвинению в уничтожении Николаевска и принудительной эвакуации его жителей²⁸.

Женщины, для которых и в мыслях о которых писались эти тексты, нуждаются в отдельном внимании. Ася Думенко относилась к тому типу, который нравится всем мужчинам: полудетская наивная внешность сочеталась в ней с шармом опытной женщины. Евгения и Тату были подлинными красавицами. Энеев искал в Евгении Петровне не только внешнюю красоту, но и человека, который его поймет и поддержит. В письме от 21 ноября 1921 г., измученный разгулом бандитизма в Кабарде, аппаратными интригами, начавшимися в партии «чистками», он написал ей: «Какая глубокая, адская потребность верить! Конечно не в бога, а... Понимаешь?.. в человека, в тебя. Боготворяю верного человека, но... есть ли он?».

Тамара в глазах Шерипова была образованной городской барышней и опытным политическим бойцом, общине с которой было ему интересно и важно, потому что она была представительницей владикавказского революционного истеблишмента. О степени ее привлекательности в молодости судить трудно, так как изображения тех лет не сохранились. Фотокарточка из личного дела, где она снята в возрасте 37 лет, еще хранит следы давней прелести, но портрет 1950-х гг. передает образ партийного синего чулка в пиджаке мужского фасона.

О Нине Лебедевой приморские партизаны рассказывали легенды. Это была настоящая комиссарша, которая могла держать в руках партизанское войско, состоявшее наполовину из уголовников. Говорили, что она была мастером крепкого слова. Нина свято верила в идеи анархизма и искренне желала изменить жизнь к лучшему, впрочем, не гнушаясь крайними мерами. К такой женщине не мог не тянуться желавший стать твердым революционером и творцом истории Лазо.

Мара Свербеева по отзыву одной ее знакомой была очень неинтересной по внешности – высокого роста, очень худая, плоская шатенка, с зелено-желтыми глазами. Нижняя часть лица напоминала крысу, которая что-то вынюхивает. Но в то же время Мара обладала умом и особым обаянием: «Одевалась она шикарно, с огромным вкусом, была в высшей степени аккуратна и чистоплотна. Много внимания уделяла уходу за собой. Несмотря на такую внешность, Мария Константиновна как-то чарующе действовала на человека, с которым она говорила. Она умела говорить с плотником так, что он ее понимал, интересовался говорить с нею, центр внимания занимала она и в беседах в высшем обществе. На вечеринках, когда собирались знакомые и друзья – внимание

всех было сосредоточено на Марии Константиновне. Она очень образована, развита всесторонне, объездила всю Европу, много путешествовала, в совершенстве владеет французским, немецким и английским языками»²⁹.

«Образец любви» в лице Мары для генерала Эрдели имеет содержание, отличное от представлений его политических противников. Он, уроженец Юга, плачет о потере занятой большевиками средней России, давшей ему сознание русского человека. Мара каким-то образом могла вызывать у него ассоциацию со всем подлинно русским: «Я так привык все относить к России, к центру, а в нем видеть все настоящее, корень всего, что меня туда неудержимо тянет, точно я там вырос, родился. К этому надо прибавить, что ты сама – центrorоссийская, и значит, мне этого достаточно, чтобы центр был мне дорог, родной и любим»³⁰. Он более желал бы участвовать в освобождении ее родных мест – центра России: Орла, Ельца, Тулы, а не своей родной Херсонской губ., где находились его семья и имение.

Как-то ему в руки попала книга Игоря Грабаря «Серов», и он с жадностью прочитал главы, относящиеся к периоду, когда художнику покровительствовал С.И. Мамонтов. Тут нужно вспомнить, что Мара в первом браке была замужем за племянником Саввы Ивановича. Первый из ее портретов был нарисован в 1895 г. именно Валентином Серовым. Потом ее писали И.Е. Репин и Ф.А. Малявин. Со страниц этой книги на генерала пахло Арбатом, снегом, старой жизнью – самобытной, не заимствованной: «И что бы кажется я не отдал теперь за переулок Арбата, за церковь Бориса и Глеба, за встречу там с тобой... И душа, и любовь, и смысл мой и все мои побуждения к родине, к России – смысл жизни моей там, в тебе с Москвой – и в Москве с тобой»³¹.

Выбирают не только мужчины. Ангельски прекрасный Энеев не мог не привлечь не менее яркую Евгению. Мужественный Шерипов, яростно выступавший на съездах горцев, получил на них не только политическое признание, но и благосклонность присутствовавшей там Тамары. Генерал Эрдели был интересным мужчиной, высокого роста, с красивой военной выправкой, и у женщин пользовался большим успехом. Среди симпатизировавших ему женщин были весьма высокопоставленные дамы, например, великая княгиня Виктория Федоровна (Даки). Он был не только храбр в бою, но и музыкально одарен, что не могло не заинтересовать близкую к творческой богеме Мару. Асю привлек «хозяин» штаба, а не штабной приживал-комиссар с неясными полномочиями. Уллубию труднее всего было добиться взаимности. Несомненно, Тату его уважала и любила как брата, но он-то хотел другого.

Если догадка в отношении Лебедевой верна, то понятно, почему она прошла мимо Лазо. Ее оттолкнул его инфантилизм, политическая и личностная незрелость, вероятная военная недаровитость, а может быть просто физическая непривлекательность. Сергей был крупным рыхлым мужчиной с больными почками и нездоровой наследственностью. Яков Тряпицын, которого она выбрала себе спутником в жизни и, как оказалось, в смерти, был редкостно красив.

Для всех шести авторов личных писем, записок и дневников характерно оперирование несколькими смысловыми единицами: любовью в различных ее проявлениях, разлукой, судьбой страны, идеями и убеждениями, собственным будущим. У влюбленных большевиков большую долю текстов составляет объяснение причин своего выбора и своих поступков. Шерипов пишет Тамаре о причинах своего часто безрассудного и рискованного поведения: «Чеченцев и ингушей, и вообще горцев, я люблю больше всего в жизни, и все принесу в жертву для них. И какие бы несчастья, какие бы гонения даже от своих я бы не терпел, этой любви своей я не изменю. Я не могу жить спокойно и всегда спасать свою шкуру. Я хочу испытания и острых, интересных переживаний, но так, чтобы что-нибудь делать и для предмета своей любви... Я... великолепно мог бы сохранить свою жизнь и не подвергать ее опасности, запершись в Шатое, где даже пушечных выстрелов не бывает никогда слышно. ... Мне важно – не изменить самому себе, своему настроению, не поддаться силе внешних давлений и опасностей». Уллубий не только сообщает Тату о своих мыслях, но и живо интересуется ее настроениями. А в ответ на задаваемые вопросы пишет ей о смысле большевизма, о будущем

мировом устройстве; сообщает также, что близок конец борьбы, и что мир находится в преддверии коммунизма.

Магомет Энеев объяснял Евгению то, как из религиозного мистика он превратился в марксиста. У него, сына мусульманского проповедника, три года проучившегося в Стамбуле, путь к большевизму пролегал тропой философских размышлений: «В юности был идеалистом-утопистом, даже было время, ударился в мистицизм. Читал персидских лириков, и они оставили в моей душе неизгладимый отпечаток. ... Через всю мою жизнь проходит красной нитью одна центральная идея: неудержимое страшное безумное стремление рывка вперед к пламенному светлому будущему. Эта идея перживала целый ряд метаморфоз... но она не прерывалась. В юности был религиозным и верил, что чтобы спасти человечество, нужно всех людей сделать религиозными. Отсюда хотел сделаться проповедником мистических идей. Этот период моей жизни... нашел свое завершение в пантеизме. ... Каждый предмет обладал языком и шептал мне тайны бытия вселенной, но я не понимал этот язык. ... Я отдался науке». Под наукой Магомет подразумевал марксизм. Знакомство с ним стало откровением: «В основных вопросах, исходных пунктах своего мирозерцания, я уже давно окончательно и бесповоротно порвал со всем, что имеет нести на себе отпечаток прошлого отжившего мира, и наметил себе общие основные руководящие принципы. Здесь у меня... стройная картина. Я иду по стопам жизни и гармонирую свои действия и поступки с высшими законами исторического развития».

Не кончавший гимназий Борис Думенко между распоряжениями насчет муки, сапог и одеколona делится с Асей своими переживаниями по поводу неудачных боев: «Ася, пришли мне сапоги. Дела незавидные по поводу Царицына. Противник очень силен и хорошая техника. Мой корпус, надеюсь, что задушит всю контрреволюцию. Гибель будет деникинским бандам. Хотя я уже пробовал три раза наступать, но без результатов»³². Для бывшего вахмистра Думенко простая девушка – такой же слушатель исповедального и важного, идущего от души, как и блестящая Мара для генерала Эрдели: «Ася, ты береги муку, потому что здесь нет. Все кончено и почти голодовка. Но у меня покудова кое-что есть. Обо мне не беспокойся. Очень скучаю за тобой до безумия. Дела очень скверные насчет Царицына. 3 раза понес неудачу, хотя и много кадетни вырубил, даже на танках и прислугу вырубил. Но все бестолку. Ася, как скучно и грустно живем вдвоем с товарищем Абрамовым (начальник штаба у Думенко. – *О.М.*). Ася, покудова тебе придется жить одной, покудова возьму Царицын. Спешу писать и выезжаю на фронт»³³.

И все же это тексты влюбленных мужчин, адресованные любимым женщинам. Чувство физического влечения с разной степенью откровенности проявляется в этих текстах. Уллубий осмеливается лишь на обращения, принятые в культурной среде, приправленные некоторой долей игривости: преславная и несравненная Тату, дивная Тату, Татуша! Только из тюрьмы, откуда уже не выйти, он пишет «дорогой Тату» о любви: «Я в особенности люблю Ваши глаза. Если придется умирать, буду кричать: “Да здравствует Советская власть и дивное солнце мое, Тату!”». И подписывается: «Любящий и обожающий тебя Уллубий». Он еще не верит, что вырваться не удастся, потому что все в Темирхан-Шуре продается и покупается, поэтому он шутит и бодрится: «Я сейчас, несмотря на заключение свое, чувствую себя самым богатым человеком в мире! Я стремлюсь, одновременно и питаюсь лучами трех солнц: общего всем, Советской власти и, наконец, твои лучи, ты мое солнце. Хочу жить, хочу быть около тебя, молиться на тебя! Без тебя жизнь не жизнь, а смерть – желанный друг! ... 18.VII. Сраженный тобою, несчастный узник Уллубий».

Письма Асланбека Шерипова относятся к начальному периоду отношений и отражают только первую радость от установившегося взаимопонимания.

Когда Анастасия жила при штабе, Думенко свободное время стремился проводить с ней. Об этом говорят его многочисленные записки: «Милая Настенка! Жду обедать, даже не могу сам обедать без любимого человечка. Мое самочувствие скверное, скучаю. Сегодня еще своей любимой женщины не видел. Целую крепко. Жду. Борис»³⁴.

Когда он уезжал на фронт, то еще сильнее тосковал и ревновал свою молодую жену: «Милая Настенка! Я уехал, но все же я думаю о тебе. Твоя милая улыбка, твой образ жмет душу мою. Но все же, прошу тебя, смотри не держи ни с кем тесной связи. Целую тебя крепко. Командир бригады Думенко». Борис Мокеевич давит авторитетом, думая, что высокий командирский статус во время его отсутствия привяжет к нему жену.

Но изысканнее всех изливает на страницах дневника свои чувства эмоционально более зрелый Иван Георгиевич Эрдели. Мара вызывала у него сильнейшее физическое влечение. После встречи на балу отношения развивались по канонам великосветского романа: встречи в гостинице «Метрополь»; свидания во время непродолжительных приездов генерала с фронта в комнатах, буквально усыпанных цветами. Затем чувства приобрели глубину и устойчивость. Эрдели и сам задумывался над этой привязанностью, спрашивая ее: «Ведь мне под 50 лет, а я все точно мальчик дрожу, волнуюсь. Что ты со мной сделала?». Это действительно уже немолодой, усталый и измотанный человек. А он ее ревнует к законному, хотя и отставленному мужу, и к своему собственному молодому адъютанту. Разговор с Марой о любви к ней одна из самых притягательных для него тем. «Нет, ты мне открой секрет – почему я никогда в моей жизни не хотел никогда ни одну женщину так, как тебя. Почему? Почему твоя внешность, походка, тело, смех, движения – будят во мне то, что я ни в одной женщине в такой степени не испытывал. Тут помимо любви – чувства, есть что-то иное, какое-то непостижимое соответствие моим вкусам, темпераменту, сладострастию что ли, и вероятно с обратно, т.е. что я подхожу во всем этом к тебе»³⁵.

В разлуке он просто бредит Марой. Она ему снится, он вспоминает ее по несколько раз за день, успевая заниматься делами, но между ними обязательно садится за дневник и пишет ей. На его страницах широко представлены события текущей военно-политической жизни и суждения генерала о состоянии дел в армии, об отношениях с командованием и союзниками, но подлинное назначение этих «листков» – принять на себя слова страсти. «Наголодался я по тебе, хотя часто и в большинстве мысли мои не располагают к тому, чтобы отдаваться желаниям, но зато уж если настроюсь, то так до боли, до мучения хочется тебя, хочется страсти, любви, обладания тобой, милый мой милый»³⁶. В конце другого подобного монолога он пишет: «И это рассуждение человека под 50 лет. Прочтешь со стороны – просто срам один подумаешь. Ну а мне не стыдно нисколько. Я люблю тебя и хочу тебя, вот и все»³⁷. Не стоит забывать, что Мара и Эрдели – ровесники, она тоже стоит на пороге пятидесятилетия. Дневники Эрдели носят на себе печать культурных событий начала XX в. Эмоциональная раскрепощенность, проявленная генералом в этих письмах, может быть объяснена влиянием новой этики «серебряного века», заявлявшей о равной ценности для мира глобального, общечеловеческого и малого, личного, сокровенного. Этический императив, что «от падения лепестка розы содрогаются миры», позволял Эрдели отождествлять муки собственной души и тела с конвульсиями всей страны. Этим же объяснимы навязчивые параллели между Марой и Москвой, между Марой и Центральной «сердцевинной» Россией.

На протяжении всего дневника Эрдели доминируют две идеи – судьба страны и стремление соединиться с Марой. В 1918 г. он мучается без известий о ней, оставшейся в своем имении в Орловской губ. Ему важно, чтобы она смогла вырваться из Советской России. Неизвестность вызывает у него тоску и отвращение ко всему. Скорее бы выяснилось, один он на свете остался или не один, а если один, то и конец этому один – на фронт с ружьем, простым солдатом – и под пулемет большевиков³⁸. При таком накале страстей ясно, что если бы он принужден был выбирать между Россией и Марой – то выбрал бы Мару: «Все сводится... к тебе, мой милый. И большая историческая задача, и Россия, все, по-моему, для тебя... чтобы ты была сохранена и счастлива»³⁹. То же настроение встречается у Думенко: «Ты мне одна только для нашей жизни и нужна, а больше мне ничего не нужно, кроме тебя», – пишет он Асе⁴⁰. Ничего подобного в текстах Буйнакского, Лазо, Шерипова и Энеева нет. Такой выбор для них немислим.

Главначальствующего на Северном Кавказе и командира Сводного кавалерийского корпуса объединяют не только зрелые года: Эрдели под 50 лет, а Думенко уже

за тридцать – солидный возраст для выходца из крестьянской среды. Другим общим фактором является то, что они оба не принадлежали к категории идейных участников социально-классового конфликта. Эрдели – военный, а не политик, и никаких полемических замечаний по поводу коммунистической идеологии не высказывал. Антибольшевизм был для него убеждением чувства, а не мысли. Вера в неестественность подобного рода идеологии вообще, а для русского народа в особенности, основывалась на понимании второго этапа революции как приступа массового безумия, вызванного войной и злокозненной агитацией. Его общая эмоциональная установка в отношении постигнутой страны хаоса выражается в формуле: это не может долго продолжаться, потому что это не может долго продолжаться. Самого себя он видит игрушкой в руках судьбы, навязывающей ему роль вождя, чему он следует из чувства долга перед товарищами по оружию. Как бы он хотел стать частным человеком, хоть дворником, обрести свободу от обязательств и жить в согласии с совестью! И обязательно возле Мары. Ну а в том, что этот кошмар закончится победой «здоровых сил», он не сомневался. Чаще всего.

А Борис Мокеевич Думенко отличался нелюбовью к комиссарам, бросал оземь полученный им от Л.Д. Троцкого орден Красного Знамени, грозил изгнать из своих частей всех коммунистов. В этой войне он более всего ценил свой внезапно открывшийся военный талант, упивался любовью обожающих его солдат. По показаниям К.Е. Ворошилова и Е.А. Щаденко, данных ими во время следствия, он, бывало, высказывался в том духе, что «за белыми и коммунистов сметем».

Думенко, Буйнакский, Шерипов и Лазо погибли в годы Гражданской войны. Первым двум довелось перед смертью писать любимым и получать от них письма. Все время ареста, длившегося три месяца, Уллубий Буйнакский вел переписку с Тату. Она, наконец, дала положительный ответ, но Уллубий догадывался, что теперь это лишь утешительный приз: «Теперь, оказывается, на закате я нашел себе солнце, улыбнулось мне ясное, чистое небо, и эта улыбка была твоя. Да, твои дивные глаза говорили, чтобы я шел радостно и смело, что отныне имею милое, дорогое существо. Ты очень хорошо на мое письмо ответила: “Ведь я люблю Вас”. Этого мне достаточно, я счастлив с той минуты. Но разлука и вечная так скоро нас с тобой настигла! Зачем? Не судьба!»⁴¹.

Он был странно равнодушен к смерти; не скрыл перед следствием своего имени в отличие от других арестованных вместе с ним, назвавшихся вымышленными именами; не отрицал своей принадлежности к партии большевиков, чем заслужил со стороны прокурора лестные слова по поводу незаурядности его личности, которая своей выдержкой и правдивыми ответами производит симпатичное впечатление. Это не помешало обвинителю просить для него смертной казни. 16 августа 1919 г. в степи вблизи железнодорожной станции Темиргой по приговору военно-шариатского суда он был расстрелян.

Представший перед Революционным военным трибуналом Республики Думенко, так же как и Уллубий, находил утешение в переписке. Первоначальная реакция Анастасии на его арест говорила о жестоком разочаровании, ведь она выходила замуж за выдающегося человека, а не за колодочника. На первом свидании она держалась холодно, указала только на ползущую по одежде Бориса вошь. Ее отчужденность больно его ранила: «Ведь конечно, ты меня тогда любила и уважала, когда я был на воле, а теперь ты совершенно права, когда узнала, что я умираю... Неужели я мог от тебя ожидать, что ты меня предашь и изменишь моим верным чувствам любви, которые я отдал только тебе... Ася, покуда жив, я буду тебя любить до смерти, а умру, то знай, что моя любовь к тебе и нашему ребенку будет всегда оставаться со мной, и я верный и верный тебе, крошка моя Ася... Нет... я все же думаю, что меня освободят и может пошлют на фронт, но я решил только продолжать жить с тобой, любимой. Ася, вспомни, как я тебя любил сразу и с первых наших, любимая, дней»⁴². Когда Ася пережила первый шок, она стала нитью, связывавшей опального комбрига с волей. Все его просьбы и указания шли через нее. Она, будучи на последнем сроке беременности, постоянно ходила к тюрьме и долго стояла под окнами. Борис ей передавал записки: «Сегодня увидел тебя, но ведь

тебе очень тяжело таскать твои ноги... оставь ходить... побереги себя, ты нужна еще для ребенка»⁴³. Ей он дал последние распоряжения, просил сжечь его тело.

Члены Военного совета Временного правительства Дальнего Востока Лазо, Мельников, Луцкий и Сибирцев находились в ночь на 5 апреля 1920 г. в здании следственного комитета. Положение было тревожным, потому что японцы негодовали по поводу событий в Николаевске-на-Амуре. Здание было окружено японцами. Лазо приказал не оказывать сопротивления. При аресте он назвал себя именем прапорщика 35-го Сибирского стрелкового полка Амурской отдельной бригады Козленко и предъявил документы на это имя. Мельников представился писарем Переваловым, Алексей Луцкий и Всеволод Сибирцев – своими именами. На вопрос, есть ли среди них Лазо, все ответили, что нет.

Отец Сибирцева, преподаватель Владивостокской мужской гимназии, бывал на свиданиях с сыном и наблюдал ситуацию вокруг заключенных. От него известно, что за посетителями и арестованными присматривал некий «влиятельный» русский молодой человек, не находившийся под стражей. Спустя трое суток после ареста, 8 апреля, на свидание к Лазо пришла его жена. Об этом свидетельствовали уцелевший Мельников и Сибирцев-старший. Но сама Ольга Андреевна в своих воспоминаниях не упоминала этот факт, вероятно, осознавая свою роковую роль в этом деле. Даже если она спрашивала о прапорщике Козленко, догадаться, к кому приходила жена Лазо, было уже не трудно. Инкогнито было раскрыто, и 9 апреля рано утром Лазо, Сибирцева и Луцкого японцы увезли из здания тюрьмы. Японцы длительное время скрывали факт ареста и уклонялись от признания причастности к исчезновению трех членов Военного совета⁴⁴.

Истории любви времен Гражданской войны в огромной массе своей канули в Лету. А они не могли не быть, не случаться, не переживаться и не оказывать влияние на ход исторических событий. Сюжет пьесы Всеволода Вишневского с запоминающейся фразой: «Ну, кто еще хочет попробовать комиссарского тела?», собран из многочисленных случаев, когда именно яркая и убежденная революционерка обращала в свою революционную веру разгулявшиеся толпы, вольных командиров и заскорузлых в грабеже атаманов. Большевизацию Николая Щорса связывают с влиянием Фрумы Хайкиной. Превращение Якова Тряпицына из командира крошечного отряда в командующего двухтысячной Красной армии Николаевского-на-Амуре округа произошло благодаря влиянию Нины Лебедевой.

Как бы сложилась послевоенная политическая судьба командующего Терской группой Красных повстанческих войск Николая Федоровича Гикало (1897–1938), если бы не драматическое завершение его любви к Айше Шериповой? После ухода белых с территории Чечни и установления советской власти Гикало решил, что пришло время и для устройства личной жизни. Он выбил себе под жилье отличный дом, ранее принадлежавший есаулу Ходалицкому, выслел из него регистрационный отдел X армии; занял должность «ответственного военно-политического организатора» Грозненско-Владикавказского района и посватался к Айше. Ее отец, мелкий шатойский лавочник, заявил, что согласен, но при одном условии: Николай должен принять ислам и жениться по правилам шариата. Гикало как коммунист не мог на это пойти, и разразилась романтическая драма – влюбленные стреляли в себя, но оба выжили. Раненого Гикало увезли в Грозный⁴⁵. После выздоровления он уехал делать мировую революцию в Персию. Затем он сделал блестящую партийную карьеру. Работая на посту первого секретаря партийных организаций ряда союзных республик, он был известен как последовательный борец со всеми видами национализма – узбекского, азербайджанского, белорусского. Зная то, что случилось в 1920 г. в Шатое, становится понятно, в каких горнах судьбы была выкована его убежденность в универсальности коммунистических идей.

Неужели и любовь может быть просчитана и логически объяснена? Вероятно, ответить на вопрос, почему именно *эта* женщина привлекла мужчину, не удастся никому. Но, как оказалось, на вопрос, почему именно *такая* женщина стала объектом любовного чувства, ответ может быть дан. Если взглянуть на женщин, вызвавших любовь

участников того вооруженного конфликта, то можно отметить их соответствие определенным социальным типам, способствовавшим, как оказывается, возникновению симпатий в межличностных отношениях и переходу их в чувство любви.

Идейным участникам конфликта, людям, ставившим перед собой задачи, превышавшие их уровень и возможности, нужна была женщина, причастная к их борьбе, олицетворявшая собой общие идейные ценности и ориентиры. Крайне важным было ее положение – несколько более высокое, чем у мужчины. Рывок вверх – к торжеству идеи – совпадал по вектору движения со стремлением стать достойным предметом любви, совершая подвиги, преодолевая трудности и укрепляя дух. Для человека невысокого общественного положения любовь нужна была как средство самоутверждения. В женской любви он самоутверждался как мужчина и как гражданин – революционер или защитник поруганной Родины. То, что женщина не просто страдает ему, жалеет его, но и испытывает страсть, являлось для него мощным фактором обретения душевных и физических сил для исполнения отведенной ему историей роли.

Женщина, ставшая объектом любовного чувства, в глазах мужчины обладала набором особо значимых, с его точки зрения, достоинств. Это могли быть красота и физическое совершенство; осведомленность в вопросах политики и идеологии, давняя принадлежность к кругу, в который стремился попасть мужчина. Отношения именно с такими женщинами улучшали самочувствие комбатантов и политиков в условиях внутригражданского конфликта. Эта гендерная асимметрия в целом характерна для Нового времени. Другой категории участников – ищущим в революции прагматические дивиденды, нужна была надежная опора, прочный тыл в лице женщины, не имеющей самостоятельной личностной величины. Примером может быть супружеский союз Дмитрия Петровича Жлобы (1888–1938) и Дарьи Михайловны Приказчиковой. Амбициозный и даровитый Жлоба принял революцию как шанс выйти на новые социальные рубежи, которые ему, сыну лакея из офицерского клуба и механику-самоучке, в другое время были недоступны. Жену и детей он любил, возил их за собой по всем фронтам, имея для этого вагон-салон. Но это не мешало ему быть завсегдатаем шумных застолий в штабе корпуса с вином и женщинами, ставших потом частью обвинения на следствии по делу Думенко, который из-за слабого здоровья и любви к Асе участия в них не принимал.

Тем, кто был вовлечен в вооруженное противостояние против воли, наиболее притягательной казалась женщина, которая вызывала сильное физическое влечение, возведенное в абсолют. С такой можно было забыть, отодвинуть от себя войну, на время избавиться от чувства зависимости и неполноценности, снова стать мужчиной, а не пешкой в чужих руках. Таким образом, выбор «образца любви» испытывал зависимость от культурных и интеллектуальных качеств личности человека и обстоятельств его вовлечения во внутригражданский конфликт.

Крайне важна была, как и в обычной жизни, этико-эмоциональная совместимость партнеров. На приведенных примерах видно, что из шести персонажей только Думенко выбрал женщину, которую соблазнил подъемом вверх по социальной лестнице. Он взял штабную машинистку и превратил ее в «честную жену». У крестьянина-инородного, каким был Борис Думенко, другой подруги, наверное, быть и не могло. Судя по письмам, он был довольно образован для слоя, из которого происходил. У него хороший почерк, он употреблял знаки препинания, хотя, судя по стилю письма, к полунинтеллигентам он не относился. Важность этико-эмоционального континуума для сохранения отношений наиболее явно прослеживается на примере Эрдели и Мары Свербеевой. Очень важно, что их роман начался в чудесное довоенное время. Поэтому в годы революционной смуты каждый из них напоминал другому то, что они оба так стремились вернуть. Об обстоятельствах прекращения их отношений пока ничего не известно. Но объяснение может лежать в пространстве высказанной версии: эмиграция и потеря надежды на возвращение в Москву стали слишком большим испытанием для их чувств.

Наличие объекта любви влияло на поведение переживавшего это чувство, вне зависимости от его статуса и роли в событиях. Генерал Эрдели отказывался от назначения в

Киев, в армию Драгомирова из боязни, что к Маре тут же приедет из Одессы законный, хотя и отставленный муж; он быстро превратил свое командирование в Туркестан в инспекционную поездку только для того, чтобы поскорее вернуться в Екатеринодар, где его ждала Мара. Хотя Деникин хотел его видеть во главе своей кавалерии, сам Эрдели всячески уклонялся от этого назначения, так как оно предполагало постоянное нахождение на фронте. Он хотел получить должность инспектора кавалерии с кабинетом в Екатеринодаре, где Мара могла бы его навещать. В городе был острый квартирный кризис, и уединенное место для свиданий добыть иным способом было практически невозможно. В итоге метания генерала между долгом и Марой завершились победой последней.

Почему Николай Гикало зимой 1919 г. медлил уходить со своими отрядами из Грозного, бился у города до тех пор, пока не был отрезан от путей отступления? Не потому ли, что в Шатое находилась Айша? Ведь в горы отступали горцы, а русские предпочитали покидать Северный Кавказ. Но, оставшись в горах Чечни, он создал предпосылки для разворачивания партизанского движения в тылу белых. После попытки суицида Гикало совсем как романтический герой отправился в далекое путешествие – в Персию, создавать Гилянскую советскую республику. А ведь в действительности он был весьма жесткий и прагматичный человек, знающий цену людям, способный даже на подлость. И если его поведение оказалось зависимо от романтического фактора и подчиняло ему и идею, и работу, и саму жизнь, то другие, более эмоциональные натуры наверняка действовали так же.

Свидетели и участники этих отношений в полном соответствии с пуританством советской морали никак не отразили память о них в опубликованных воспоминаниях. Но немногие из обнаруженных любовных историй времен Гражданской войны могут быть признаны типичными примерами поведенческих практик в экстремальных условиях. Активным участникам тех событий состояние влюбленности помогало пережить и постоянную опасность, и моменты неуверенности в правильности выбранного пути, и потерю привычных ценностных ориентиров. Близкий человек становился тем стабилизатором ума, воли и психики, который позволял пережить нестабильность жизни.

Примечания

¹ Человек в российской повседневности. М., 2001; *Пушкарева Н.Л.* История частной жизни и история повседневности: содержание и соотношение понятий // Социальная история. 2004. М., 2005.

² *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999; *она же.* Человек на войне: Опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 7–16.

³ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

⁴ См.: *Абинякин Р.М.* Социально-психологический облик и мировоззрение добровольческого офицерства // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М., 2002. С. 413–437; *он же.* Роль и место дворянства в белом движении // *Noblesse oblige: Праздничная и повседневная жизнь господствующих слоев Европы 16–20 столетий.* Материалы научной конференции, 15–17 мая 2002. Вып. 1. Орел, 2003. С. 60–68.

⁵ *Врангель П.Н.* Из фронтовых писем жене: 1918–1920 гг. // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. Вып. 7. СПб., 1996. С. 21–42.

⁶ Филипп Мионов: Тихий Дон в 1917–1921 гг.: Документы и материалы. М., 1997.

⁷ Письма Уллубия Буйнакского. Махачкала, 1962.

⁸ Первоначально имя адресата писем, отрывки из которых опубликованы в ряде сборников речей и писем А.Д. Шерипова под названием «письма к знакомой», было неизвестно. Сначала по архивным копиям полных текстов писем было выяснено имя «знакомой». Затем удалось установить, что письма были написаны для Тамары Михайловны Резаковой. См.: *Морозова О.М.* Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов н/Д, 2011. С. 214–215.

⁹ Тексты писем М.А. Энеева предоставлены его внуком Александром Никаноровичем Ельковым.

- ¹⁰ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ РО), ф. 12, оп. 3, д. 1312, л. 187.
- ¹¹ *Шерипов А.* Статьи и речи. Изд. 3. Грозный, 1990. С. 167.
- ¹² У.Д. Буйнакский: Сборник документов, материалов, воспоминаний. Махачкала, 1975. С. 142.
- ¹³ См.: *Резакова Т.* В горах Кавказа // Женщина в Гражданской войне. Эпизоды борьбы на Сев. Кавказе и Украине в 1917–1920 гг. Б.м., 1938. С. 39–54.
- ¹⁴ РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 721, л. 23–25.
- ¹⁵ ЦДНИ РО, ф. 12, оп. 3, д. 1312, л. 84–85, 146.
- ¹⁶ См.: *Жанситов О.А.* Воспоминания К. Чхеидзе о событиях Гражданской войны на Тереке // Исторический вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Вып. 3. Нальчик, 2006.
- ¹⁷ ЦДНИ РО, ф. 12, оп. 3, д. 1312, л. 188.
- ¹⁸ *Волков Е.В.* Благополучие и быт колчаковских офицеров // История Белой Сибири: Тезисы 4 научной конференции, 6–7 февраля 2001 г. Кемерово, 2001. С. 130.
- ¹⁹ Ростовский областной музей краеведения (далее – РОМК), ф. КП 2640, л. 19.
- ²⁰ ЦДНИ РО, ф. 12, оп. 3, д. 1312, л. 16.
- ²¹ Там же, л. 69.
- ²² РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 721, л. 34–35.
- ²³ ГА РФ, ф. 342, оп. 1, д. 15, л. 118–120.
- ²⁴ РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 721, л. 21.
- ²⁵ Там же, л. 361–363.
- ²⁶ Там же, л. 22.
- ²⁷ Там же, л. 23–25.
- ²⁸ См.: *Смоляк В.Г.* Междоусобица. По следам нижеамурской трагедии. Хабаровск, 2009.
- ²⁹ ЦДНИ РО, ф. 12, оп. 3, д. 1312, л. 1.
- ³⁰ Там же, л. 63.
- ³¹ Там же, л. 67–68.
- ³² РОМК, ф. КП 2640, л. 14.
- ³³ Там же, л. 15.
- ³⁴ Там же, л. 8, 11.
- ³⁵ ЦДНИ РО, ф. 12, оп. 3, д. 1312, л. 60–61.
- ³⁶ Там же, 164–165.
- ³⁷ Там же, л. 31–32.
- ³⁸ Там же, л. 45, 163.
- ³⁹ Там же, л. 15, 18 и др.
- ⁴⁰ РОМК, ф. КП 2640, л. 15.
- ⁴¹ У.Д. Буйнакский: Сборник документов... С. 155.
- ⁴² РОМК, ф. КП 2640, л. 19.
- ⁴³ Там же, л. 22.
- ⁴⁴ РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 721, л. 172, 177, 367.
- ⁴⁵ Записки Костериной-Ворожевой Анны Михайловны. 1964. Рукопись. С. 58 // Семейный архив А.О. Смирнова.